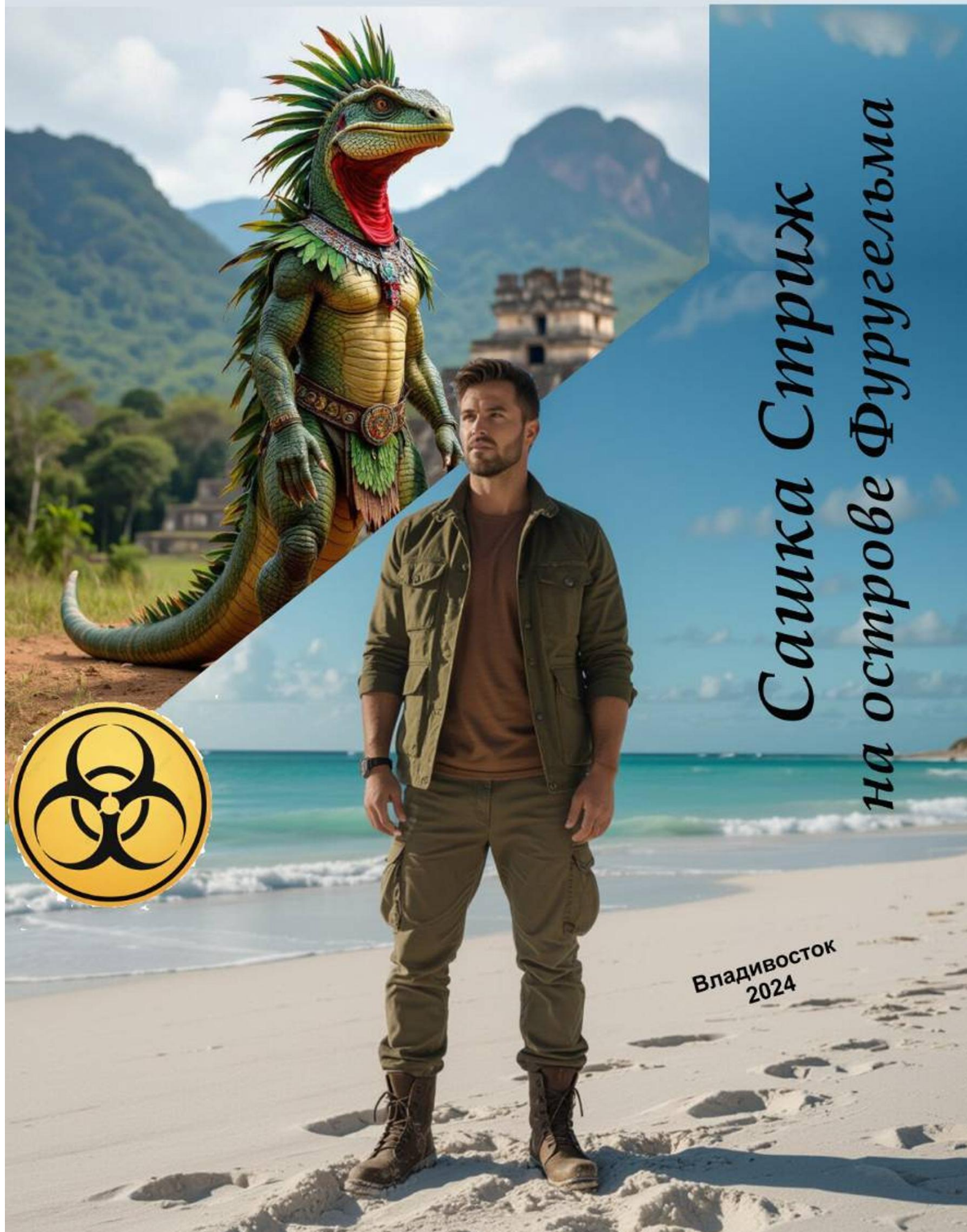

Василий Горобейко

Сашка Стриж
на острове Фуругельма

Владивосток
2024

Василий Горобейко

**Сашка Стриж на
острове Фуругельма**

«Автор»

2026

Горобейко В.

Сашка Стриж на острове Фуругельма / В. Горобейко — «Автор»,
2026

Молодой инспектор заповедника застревает на необитаемом острове в то время, как остальной мир переживает катастрофу, вызванную очередной пандемией. Кто виноват в случившемся? Возможно подсказка в странных снах?

© Горобейко В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Фуругельма	5
Шхуна	15
Одинокая вахта	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Василий Горобейко

Сашка Стриж на острове Фуругельма

Фуругельма

За иллюминатором показались камни Михельсона — торчащие из воды скальные глыбы, загаженные бакланами и украшенные пестрыми сардельками: греющиеся на солнце ларги[1] лениво провожали заповедную шхуну черными бусинками глаз.

Сашка не спеша поднялся и вышел на открытую палубу, не желая пропустить волшебный момент, когда свинцовая зыбь залива Посьет сменится изумрудной гладью бухты Западной. Вот, казалось бы, за время работы в Дальневосточном морском заповеднике он сотни раз проходил через эту неуловимую глазом черту, но так и не смог привыкнуть, и сейчас вновь с нетерпением жениха в преддверии первой брачной ночи ожидал этого чуда. За бортом морская зыбь сменилась мелкой рябью — это шхуна вошла в «тень» острова Фуругельма, прикрывшего ее от восточного ветра. Качка прекратилась, судно заскользило по водной глади, а Сашка, опершись на леер и слегка перевесившись через борт, жадно вглядываясь в пучину.

— Стриж! — зычно рявкнул из рубки Борисыч — сухощавый, прожаренный до черноты морским солнцем, невысокий, лысеющий мужик лет сорока, вечно небритый балагур и весельчак (если только дело не касалось его драгоценной шхуны), а по совместительству шкипер данной посуды, гордо поименованной «Сивучем». — Успеешь еще на завтрак к крабам попасть! Отойти от борта, рыбий потрох, а то кто будет мою ласточку разгружать? И так своими канистрами всю палубу мне изгадили!

Сашка выпрямился и успокаивающе помахал рукой, не снисходя до ответа. Борисыч поворчит, поворчит и перестанет, а тут, можно сказать, первый момент свидания с возлюбленной после месяца разлуки!

Александр Семенович Стриженко, а в обиходе просто Стриж или Сашка, невысокий чернявый парень, с двумя неоконченными высшими образованиями и срочной службой за плечами, возвращался из первого на новой работе отпуска. Ездил в Иркутск к матери с отчимом. Те недостроенный коттедж в пригороде прикупили, вот и пришлось ехать, помогать достраивать, к зиме готовить. Работы было не так чтобы и много, и, на взгляд Сашки, проще и дешевле было бригаду молдаван нанять, благо после «Румынской весны» их множество по Сибири мыкалось в поисках подобного не слишком квалифицированного заработка, чем тратить деньги на билеты и рушить его романтические планы на отпуск. Но отказать матери было как-то неправильно, пришлось ехать, учиться на собственных ошибках, стелить ламинат, клеить обои, монтировать отливы... А мог бы с Ленкой на Попова укатить, там для сотрудников с семьями очень соблазнительные скидки на проживание в глемпинге[2] на берегу лучшего городского пляжа. Глядишь, и личная жизнь бы наладилась, а так...

Задумавшись, Стриж чуть было не пропустил долгожданный миг. Как по мановению волшебной палочки бездонная синева сменилась сочной зеленью кристально прозрачной воды над сахарно-белым песчаным дном, усеянным черными шариками морских ежей и сине-красными звездочками потирий[3]. Сашка счастливо улыбнулся и перевел взгляд на остров: белый песчаный пляж в обрамлении серых гранитных скал, выше буйство по-тропически яркой зелени, кое-где украшенной красно-оранжевыми всполохами осенних кленов. А еще выше в бездонной лазури сотни чаек, чистиков, тупиков, бакланов и прочей пернатой братии устроили небесный майдан. Птичий гвалт перекрывал даже басовитый рокот прибоя, но как ни странно, звучал божественной музыкой для уставшего от городского шума уха, гармонично дополняя сказочный пейзаж.

Коротко и мощно рявкнул судовой ревун, поторапливая прозевавших приход шхуны инспекторов, но те и так уже бодро спускались по широкой, резной лестнице, сбегаящей от кордона на пляж.

Шхуна, заскрипев кранцами, прижалась белым, изящно изогнутым бортом к идеально прямому, вычерченному солнцем и морем длинному и узкому языку плавучего пирса. Через борт пестрым мячиком перелетел Андрюха Барабаш — единственный подчиненный Борисыча, внешне похожий на гигантского, двухметрового карапуза: пухленький, с умильными ямочками на розовых щеках, с крупной головой, украшенной рыжей взлохмаченной ветром гривой, с огромными воловьими глазищами в обрамлении длиннющих, на зависть всем девкам, ресниц. Лом, а именно под этим прозвищем он влился в, прямо скажем, не слишком многочисленный экипаж шхуны, сноровисто пришвартовал посудину: накинуд на кнехты причальные концы и выбрав слабину канатов, накрепко связал шхуну с пирсом.

— Поторапливайтесь, шримсы линиялые! — крикнул спускающимся инспекторам шкипер. — Мне что, вас до второго пришествия ждать?! Забирайте свое топливо, всю палубу мне провоняли!

Борисыч вышел на бак и взялся за пульт манипулятора. Сетка с канистрами взмыла в воздух и, перелетев в паре сантиметров над леером, мягко приземлилась точно посередине пирса. Сашка показал мастеру большой палец, но тот лишь снисходительно хмыкнул.

— Давай шевелись, Санек, а то мне еще на Фальшивый, а ветерок усиливается.

— Ой, да что твоей шаланде делается от двух-трех баллов?

— Моей ласточке и от четырех баллов ничего не делается, а вот Миху, которого мне предстоит с Фальшивого забрать, и при полном штите укачивает! Мне и от вашей соляры вони выше ватерлинии, так что пусть его внутренний мир останется при нем, незачем им палубу украшать и ароматизировать. И как его только в морской заповедник взяли? У него же водобоязнь как у бешеного барсука!

— Так на Фальшивом в основном сухопутные обходы, а на квадрике его не укачивает даже по бездорожью, — пожал плечами Стриж и поздоровался с подошедшими коллегами: — Привет, тезки! Кого я меняю?

— Меня, — откликнулся коренастый русоволосый бородач с озорным мальчишеским взглядом и протянул через борт два увесистых баула: — Сумки прими!

— Не понял, — удивился Стриж, — ты что, съезжаешь от нас?

— Ага, надоели вы мне со своим «Александровским» кордоном хуже тертой редьки! — осклабился бородач.

— Да не слушай ты этого балабола, Сашка! — отозвался седой высокий и чуть полноватый мужчина — старший на их кордоне и по должности, и по опыту, и по возрасту. — Сам же знаешь, Шурику не сбрехать — все одно, что чай без меда хлебать! В отпуск он собрался, оболтус.

— Понятно!

Сашка принял у отпускника баулы, отнес их к рубке, откуда стал перетаскивать и передавать на пирс свои пожитки и продуктовые запасы, пока напарники споро меняли в транспортной сетке полные канистры с топливом на пустые.

— А где масло двухтактное? Скоро тайфуны начнутся, солнечные батареи не справятся, а без масла генератор не запустишь! — старший из Александров обеспокоенно осмотрел груду добра, наваленного на пирсе. — И газ для котла нужен!

Дядя Саша или, точнее, Александр Владимирович Кузнецов — мужик основательный, хозяйственный и немного ворчливый, отработал в Морском заповеднике более двадцати лет и беспокоился он не напрасно. Японское море капризное. В октябре шторма могут на месяц, а то и более море непроходным для судоходства сделать. И как тут на острове выживать? Через плотную завесу туч солнце едва пробивается, в полдень книжку без дополнительного осве-

щения не считаешь! Куда уж тут солнечным панелям кордонное хозяйство электричеством обеспечить, а аккумуляторов хорошо если на три-четыре дня хватит, и то если ничего лишнего не включать. Хотя что тут лишнего? Рация, диспетчерский пульт с выводом данных с видеокамер и радара, лебедка для лодок, освещение, зарядка персональных унимонов, холодильник да кухонные приблуды, облегчающие быт, вот и все электроприборы. Ну это если, конечно, ремонтом не заниматься, а так еще и мастерская добавится. Можно, конечно, чайник на газе вскипятить, да и без микроволновки тоже обойтись не сложно, а вот без холодильника или хлебопечки совсем грустно становится! Так что без дизель-генератора никуда, да и триммер — травку вокруг кордона окосить — тоже масло кушает. И с газом та же история. Пара баллонов в запасе есть, для готовки, пожалуй, до нового года хватит, а вот отопительному котлу такого баллона и на неделю не хватит! Нет, осень на юге Приморья теплая, первые заморозки не раньше конца ноября ожидаются, а вот сырость! Сырость такая, что если помещение не сушить, то даже камни плесенью как шубой обрастают!

— Да здесь твое барахло, дядь Саша. Не ворчи! Вон во второй сетке под брезентом укрыто. Там и масло, и шесть баллонов газа, и ремкомплект для лодочного мотора, и расходники, и прочая хрень, — откликнулся Борисыч. — Давайте освобождайте пирс и добро пожаловать на борт, примешь по описи, автографы в накладных оставишь, и я тебе в один присест все твое драгоценное имущество на берег переправлю и еще персональную посылочку от Петровича вручу.

Через полчаса освобожденная от доброй половины груза шхуна отвалила от причала и взяла курс на самый южный заповедный кордон России. Кордон этот, состоящий из небольшого инспекторского домика и группки гостевых строений, прилепился к подножию скалистого островка, соединенного с материком длинной песчаной косой, тянущейся на 17 километров до самой границы с Северной Кореей. Коса регулярно перемывается штормами, но вскоре, как Афродита, вновь возрождается из морской пены. За что собственно скалистый мыс, увенчанный шапкой зелени, и получил свое название: мыс Островок Фальшивый.

Тепло попрощавшись с отбывающими коллегами, напарники перетаскали груз поближе к стационарному слипу, предназначенному для затаскивания на верх служебного катерка, дабы уберечь казенное имущество от шторма. Дядя Саша, у которого голова не только для еды годилась, а руки из нужного места росли, давно переоборудовал слип еще и в «фуникулер», приспособив обычную садовую тачку для доставки наверх, к самому кордону, тяжелых грузов. Так что бегать туда-сюда по не слишком длинной, но довольно крутой лестнице с тяжелыми канистрами и баллонами не пришлось: основную работу лебедка сделала. Тем не менее, разместив все по местам, тетки заметно замаялись.

— Чаёк будешь? Я кипяток в термос налил, чтобы не выстыл, — предложил Кузнецов, — и лиану лимонника туда положил для аромата. Самое оно, после такой зарядки.

— Не откажусь, а Шурик своим медом нас обеспечил в этот раз? — отозвался Сашка, который как раз закрывал оружейный сейф, разместив там свой служебный ИЖ-71, пусть лежит до особой надобности.

— Как обычно! Тебе какой: липовый или бархатный?

— А какой в чашку налит, тот и буду! — улыбнулся Стриж, вспомнив как в прошлый раз возжелал бархатного, и пришлось за ним в кладовку под проливным дождем бежать, отливать в вазочку из куботейнера.

— Ну тогда липовый, — покладисто согласился Александр-старший, доставая из холодильника плошку янтарного лакомства. — Он, правда, не совсем чистый, липовый цвет в этом году дождем посмывало, но, как по мне, то с цветочным ароматом даже вкуснее. Ты давай рассказывай, как в отпуск сходил, Ленке предложение сделал?

— Нет, не срослось у нас, — Сашка вздохнул, жаловаться на мать постороннему, пусть даже напарнику, не хотелось.

— Жаль, деваха справная и толковая, готовит опять же как Кулина![4] Где еще такую найдешь? У тебя уже четверть века за плечами, а ты все бобылем скачешь!

Сашка перед самым отпуском привозил Ленку с собой на кордон на выходные, и бойкая, хозяйственная девушка пришлась дяде Саше по сердцу. Сам Кузнецов — педант и перфекционист, терпеть не мог беспорядка. Он почему-то решил, что Сашкина безалаберность и неаккуратность, от которых его даже армия не избавила, проистекают от отсутствия в его жизни постоянной партнерши, вот и мечтал его женить поскорее.

Сам Сашка, понятно, разгильдяем себя не считал, подумаешь, тапочки возле обувной полки оставил или кружку на полку с тарелками по запарке воткнул. Кому они там мешают? А до кружки с третьей полки, где остальные стоят, ему и вовсе дотягиваться нужно! И тем более непонятно, как женитьба поможет ему не забывать свет в туалете выключать и ключи от катера на место вешать? Но спорить с бывшим учителем истории — себя не уважать, поэтому он просто перевел разговор на другую тему.

— Я к матери в Иркутск летал, помогал с ремонтом дома, только позавчера вернулся. Представляешь, приезжаю, а моя квартирная хозяйка в мою, на месяц вперед оплаченную комнату, другого постояльца пустила и, похоже, далеко не в первый раз! Так еще и возмущаться начала, почему это я ее заранее не предупредил, когда возвращаться буду. А я все удивлялся, как так: меня три недели дома не было, а постельное сырое как будто недосушенное и вещи не на своих местах лежат. Думал, хозяйка чистоту поддерживает, а это она перед моим приездом прибиралась. Представляешь, дядя Саша, она, пока я на вахте, комнату посуточно сдавала, «чтобы зря не простаивала»! — последнюю фразу Сашка произнес тонким визгливым голосом, пародируя свою, теперь уже бывшую, квартирную хозяйку.

— Съехал?

— А то! Еще и предоплату возвращать не хотела. Пришлось налоговой припугнуть, договор аренды у меня на руках, а налоги она отродясь не платила! Я вещички собрал и к Петровичу на ночлег напросился. У него в Новом коттедж почти пустой после отъезда детей, там переночевал и лишнее барахло на время оставил. Вернусь со смены — буду думать по жилью.

Стриж допил остатки чая, вернул остатки меда в холодильник, сполоснул и убрал на верхнюю полку сушилки кружку.

— Пойду сбегать на обзорную площадку, заодно виноград посмотрю.

— За казармы сходи, там еще должен был остаться, если Шурик не подъел. А вдоль тропы его туристы недозрелым весь оборвали, — посоветовал Кузнецов. — И салфетки спиртовые прихвати, сходишь за 250-ю батарею, протрешь объектив камеры, а то опять картинка мутная.

— Да что там с юга смотреть? Корейцы к нам сроду не лезли, а для туристов с Голубинового сейчас не сезон.

Идти на самый юг острова до мыса Бочкова, да еще спускаться по косогору к старой прожекторной позиции, где была установлена дистанционно управляемая камера, обеспечивающая обзор с юга, желания не было. Сашка бы лучше на север к мысу Круглому сбегал, на птичий базар полюбоваться. Ну и несколько отличных кадров сделать, благо у служебного ункома[5] камера с мощным зумом и тройной стабилизацией. Будет что в группе в «Телеграм» выложить! А в два конца до обеда никак не успеть.

Кузнецов без труда разгадал планы напарника.

— Давай, давай дуй! А я пока кулеш на обед сварганю. На гнездовья завтра с утречка сбегать успеешь. Если на зорьке встанешь, то с мыса Клавдии шикарные рассветные кадры получишь, все твои сокурсники пообзавидуются!

Идея Сашке понравилась, и он, переобувшись в кроссовки и убрав тапочки на отведенное место, размашисто зашагал по деревянному настилу экологической тропы. Бодренько дотопал

до родничка, зачерпнул резным липовым ковшиком и с наслаждением выпил холодной ключевой водички. Вкусно! Чуть выше свернул с оборудованной тропы на неприметную тропинку и шагнул под полог дремучего леса, перевитого лианами.

С биофака ДВФУ Сашка вылетел после третьего курса, так что дендрофлору успел сдать, причем на отлично, и теперь с удовольствием, как старых знакомцев, приветствовал встречающиеся экземпляры. Вот бархат амурский, одетый в пробковую, бархатистую, всегда теплую кору. Рядом похожий на него листвой — длинные опахала, собранные из множества мелких листиков — маньчжурский орех. Плоды у него вкусные маслянистые, но из-за ужасно толстой и крепкой скорлупы это не самый популярный деликатес. Под ним колючий куст элеутерококка — младший брат знаменитого женьшеня. Стриж на ходу сорвал шарик черных мелких ягод и несколько штук закинул в рот. Кисленько, здорово освежает и тонизирует. Вот дуб зубчатый со смешными мохнатыми желудями — обычный фоновый вид для этих мест.

— А вот это, интересно, кто у нас? — По дубу взбиралась молоденькая, но уже плодоносящая лиана актинидии — северная родственница популярного киви.

Сашка сорвал несколько зеленых бочонков и закинул в рот, сладкий вкус вскоре сменялся острым перечным послевкусием.

— Значит полигамная. Мог бы и без орального теста обойтись! — попенял он сам себе. — Видно же, что часть листьев белым окрашена.

На островах встречалось четыре внешне очень похожих вида этой лианы: коломикта, Джиральди, острая и полигамная, но только последняя имела жгучий привкус, остальные ягоды имели нежную, сочную, чуть кисловатую и приторно-сладкую мякоть. Надо же было так лопухнуться?

Сашка огляделся в поисках, чем заесть жгучий привкус. Чуть в стороне начинался орешник. Плоды лещины разнолистной — дикой, мелкой разновидности фундука, уже созрели и как нельзя лучше подходили для того, чтобы перебить вкус «перчика». Он нарвал полную горсть и с наслаждением разгрыз, даже не потрудившись очистить от пожелтевшей листовой обертки.

Заглушив горечь во рту, Сашка двинулся дальше вверх по тропинке, огибающей по верху развалины двухэтажного каменного строения. Сто лет назад, в тридцатых годах прошлого века, самый южный остров России был форпостом Береговой обороны Дальнего Востока, но всего через три десятилетия в связи с развитием новых типов вооружения военные покинули остров, вернув его птицам и ларгам. Ставшие ненужными постройки обветшали и постепенно разрушались, служа прибежищем для змей. Сашка знал, что ядовитых гадов на острове нет, но все же предпочитал обходить эти места стороной. Вот и сейчас он не свернул прямо к руинам двухэтажного дома начальствующего состава, а обошел их по широкой дуге. Заодно и ботаническую экскурсию продолжил.

Он чуть пригнувшись вступил под густую раскидистую крону железной березы, чья древесина на излом крепче чугуна. Провел рукой по светло-коричневой трещиноватой шелушащейся коре, представляя, как медленно и мощно текут под ней древесные соки, доставляя наверх воду и минеральные вещества, а после в листьях, благодаря волшебству фотосинтеза образуются глюкоза и фруктоза. Эту часть процесса Стриж худо-бедно понимал, хоть так и не смог сдать экзамен по биохимии, а вот как из сахара тут прямо под тонким слоем коры образуется древесина, из которой даже подшипники делают, в голове не укладывалось.

Чуть в стороне от тропы пробивается к свету молодое деревце липы амурской, видимо далеко выбившийся отпрыск старой дуплистой липы, невидимой с тропы за густым строем поросли мелколистного клена, полыхающего желто-красной листвой. А вот огромные листья клена зеленокорого, растущего справа от тропки, еще и не думали желтеть.

Сашка обогнул куст барбариса, усеянный мелкими красными ягодками. Отметил для себя, что неплохо в конце смены будет нарвать для Рахмона. У них на Пемзовой барбарис не растет, а для восхитительных бараньих ребрышек, которыми Рахмон любит угощать друзей —

это необходимая приправа. Потянулся за темно-синей с металлическим отливом ягодкой, свисающей с некрупной лианы, ползущей по невысокой дикой яблоньке, но вовремя сообразил, что это всего лишь обманка — ягоды виноградовника совершенно не съедобны. А вот чуть ниже старая шелушащаяся лоза, толщиной с Сашкино запястье — конечная цель его гастрономических изысканий. Снизу кисти старательно оборваны, скорей всего Шуриком. Пришлось Стрижу взобраться на нижние ветви оплетённого виноградом дуба, чтобы полакомиться сочными мясистыми ягодами.

Вволю наевшись, он выбрал две кисточки поплотнее и положил в болтающийся за плечами капюшон служебной энцефалитки[6]. Так и руки свободны, и ягоды не помнутся. Будет чем дядю Сашу угостить.

Стриж глянул на напульсник уникама. Половина первого. Надо поспешить, а то если к обеду опоздаешь, то Владимировича никаким виноградом не задобришь, будет до вечера ворчать! Он срезал дорогу через заросли лиспедении и выбрался на экотропу возле развалин порохового склада. В семидесятых годах прошлого века, до того, как построили кордон в бухте Западной, в этом врезанном в скалу бетонном бункере жили инспектора. Ужас: ни света, ни воды и кирпичная печь на дровах! Из всех достоинств — только шикарный вид на бухту.

Сашка бегом взлетел по широкой деревянной лестнице и устремился дальше по тропе. Не задерживаясь у оружейных двориков, хотя и очень хотелось, он сбежал вниз по едва заметной стежке к скрытно установленной автономной видеокамере, обеспечивающей обзор южной границы заповедника. Протер спиртовыми салфетками объектив и на всякий случай, чтобы дважды не ходить, солнечную панель, обеспечивающую камере автономность работы. Только после этого выпрямился и любовался на северокорейский порт Расон. В дымке на горизонте просматривались похожие на огромных аистов марабу портовые краны. Подивился, как в августе сорок пятого бойцы 250-й батареи умудрялись прицельно бить на такое расстояние по Квантунским войскам из смешных 130 мм пушек! Без всякой электроники, обычными, не гиперзвуковыми и даже не реактивными снарядами. Вручную рассчитывая угол превышения и прочие малопонятные Стрижу параметры. Он хоть и отслужил год в экипаже «солнцепека»[7], но научился только на командном планшете правильно цель на карте выбирать, а рассчитывать траекторию — это пусть комп своими квантами раскидывает и прикидывает!

— Эх, красота! — Стриж от полноты чувств выдохнул переполнявший его восторг во всю мощь легких, но крик увяз в соленом влажном воздухе, затерялся в реве волн, разбивающихся о скалы всего в нескольких метрах под его ногами.

Сашка был счастлив. Здесь и сейчас на краю мира он чувствовал себя равным богам. Казалось, стоит только захотеть, и он вспорхнет с этого утеса, вольется в пернатый хоровод, кружащийся над очередным «котлом» — это тунец сбил в плотную массу стаю анчоуса, и морские птицы спешили урвать свою долю добычи. Он наслаждался своей свободой, своей силой, своей нужностью, но еще раз глянув на напульсник, Стриж поспешил на кордон, опаздывать на обед даже без пяти минут богу категорически не хотелось.

Успел, хоть и впритирку. Фирменный кулеш у Кузнецова, как всегда, удался на славу. Он готовил его по особому закарпатскому рецепту из кукурузной мамалыги, тертого картофеля и свиных шкварок, сдобренных обжаренным луком и мягким сыром. Вкусно и сытно — самое оно для тяжелого инспекторского труда.

Запили кулеш горячим компотом, сваренным из крупных, с ранетку, ягод шиповника, обильно растущего по побережью. Сашка в этот раз не поленился, сходил налил бархатного меда, чуть терпкого, с небольшой горчинкой и очень ароматного. Виноград пошел на десерт.

— Ну что, Сашка, выбирай: траву косить или фотоловушки перезаряжать?

— А триммер не капризничает? — Стриж помнил, как перед отпуском маялся со старенькой китайской бензокосой, которая глохла каждые пять минут и категорически отказывалась заводиться на горячую.

— Нам в прошлый заезд новенький белорусский триммер привезли, аккумуляторный! — дядя Саша многозначительно поднял вверх указательный палец. — Малость послабее бензинового будет, но если к полыни Гмелина[8] не лезть, то сгодится.

— Здорово, — искренне обрадовался новинке Стриж, — тогда я кордон окошу и баньку затоплю, а с ловушками ты уже сам.

— Лады.

Кузнецов переоделся в старенькую энцифалитку, нечего новую в чаящем помете пачкать, прихватил альпинистскую сбрую (часть камер располагалась на крутых откосах, куда без страховки лучше не лезть) и бодро зашагал вверх по тропе. Ему предстояло обойти птичий базар, добраться до всех двадцати четырех фотоловушек, подзарядить от пауэрбанка их батареи и скачать собранный материал в уник, заодно почистив карты памяти фотоловушек. Плевое дело, если бы не места установки камер. Ставили их без учета удобства обслуживания, зато кадры из жизни пернатых аборигенов острова регулярно брали призы на престижных фотоконкурсах. Так что меньше чем за четыре часа никак не управиться. Сколько раз просили руководство заменить камеры на новые с автономной подзарядкой от солнечных панелей и выходом в интернет, но все денег нет. Вот и приходится инспектору три раза в месяц, несмотря на погоду, прыгать как горал по скалам бухты Северной. Коллеги на материке удивляются, у них перезарядка фотоловушек раз в полгода! Ну так-то тигры с леопардами, а то птичья колония! У них хорошо если десяток сработок в день, а тут толчея как на Спортивной набережной на день Рыбака, к вечеру камера аж горячая. Несколько тысяч высококачественных снимков и несколько часов убойного видео, из которых нейросеть выберет пару десятков удачных и не похожих на уже известные, которые и пойдут в работу. Особо удачные кадры украсят буклеты и баннеры, а ролики войдут в очередной научно-популярный фильм.

Правда, из двадцати четырех фотоловушек четыре камеры особенные: мониторинговые, делающие панорамные снимки в UNQ-разрешении[9] строго по времени, четырежды в день. Эти предназначены для подсчета численности колонии. Хотя для инспектора без разницы, его дело собрать и перебросить на сервер отдела науки пакет данных, а дальше что и куда — пусть сами разбираются. Но любопытно же! Да и причастность к большому нужному делу ощущаешь, особенно когда видишь наглядное подтверждение своей работы. Над кроватью Стрижа висела уникальная фотография малой колпицы с тремя подросшими птенцами в гнезде. Судя по дате в правом нижнем углу снимка, этот кадр он «добыл» лично, по-пластунски, чтобы не тревожить редких птиц, пробираясь по грязному мокрому склону к скальному уступу, на котором была укреплена камера.

Сашка перевел оповещение с диспетчерского пульта на свой уник, чтобы, пока будет занят во дворе, не пропустить незваных гостей. Если таковые объявятся у границ заповедника, радар подаст звуковой сигнал. После чего не торопясь облачился в защиту, достал из кладовой новую косилку, проверил заряд аккумулятора, поменял леску в катушке... Хороша игрушка! Вставил наушники в уши, выбрав на напульснике новостной канал, и принялся за облагораживание территории.

Диктор одинаково жизнерадостным тенорком вещал о выступлении премьера Дмитрия Патрушева на Конгрессе славянских народов в Киеве и о новых выступлениях шотландских сепаратистов в Британии; о рекордном урожае зерновых в Малороссии и об угрозе дефолта греческой экономики; о победе Илона Маска на праймериз республиканцев в Соединенных штатах и о боестолкновениях в Стокгольме между шиитскими и суннитскими радикалами; про почти полную победу над коронавирусом и о новой легочной эпидемии в Корее. В общем, все как всегда. Стриж особо не вслушивался, думая о своем: ситуация с жильем требовала скорейшего разрешения. Петрович, конечно, предлагал оставаться у него, к тому же бесплатно, но...

Он как раз заканчивал окашивать территорию, когда в уши ворвался зуммер оповещения. Пришлось отложить почти завершённую работу и бежать в рубку.

На мониторе было видно, что со стороны мыса Дегера галсами, общим направлением на юг, движется небольшое парусное судно. При сохранении текущего курса и скорости через 12 минут оно пересечет границу заповедника. Стриж навел на него камеру с мыса Свиньи́на: прогулочный катамаран «София» метров пятнадцати длиной летел на всех парусах, едва касаясь вершушек волн. Захватывающее зрелище, но пора было вмешаться.

Сашка на всякий случай сверился с базой разрешительных билетов: на сегодня туристов на Южный участок вообще не планировалось. Проверив, что рация настроена на 16-й общий морской канал, он нажал на тангенту[10].

— Маломерное судно «София» бортовой номер... — Сашка сверился с показаниями камеры и прямо с монитора зачитал буквенно-цифровой код, — ответьте «Фуре»! Прием.

— «София» слушает. Прием, — через минуту отозвался капитан парусника.

— «София», вы приближаетесь к району, закрытому для мореплавания! Во избежание нарушения границы Морского заповедника рекомендую незамедлительно сменить курс. Прием.

— «Фура», вас понял, а как близко я могу подойти к камням Гельмерсена, на ларг посмотреть? Прием.

— «София», переходите на 72-й канал, — Стриж переключил рацию на указанный диапазон, нечего засорять основной канал неофициальными разговорами, и сверился с картой. — Не ближе четырех кабельтов. Ложитесь на курс 135 и пройдёте по самой границе заповедника. Только напрасно это. В такую погоду ларг вы не увидите. Прием.

— Принято, очень жаль. У нас тут гости из Сербии, может, можно — в виде исключения — пройтись вокруг острова? Прием.

— Это не к нам. Обращайтесь в отдел туризма. Все контакты на сайте. Прием окончен.

Сашка отпустил тангенту и, не дожидаясь ответа «Софии», вернул рацию на общий канал связи. Ох уж эти коммерсанты, за лишнюю копейку удавятся. Наберут туристов, кстати, за немалые деньги, а потом разыгрывают тут кота Базилио: «Дяденька, пустите бесплатно, ну очень надо». А то и вовсе пытаются внаглую проскочить: штраф за нарушение режима в разы меньше платы за проход судна (спасибо гуманным законодателям), да и согласовывать проход заранее нужно, а тут есть надежда, что в этот раз не поймают. И так бывает. Задач множество, а людей не хватает. Но большинство попадают и заносятся в «чёрные списки», на ближайший сезон перекрывающие им официальный доступ в акваторию заповедника. Только это и сдерживает наглых ловцов удачи.

Похоже, к категории таких «ловцов удачи» относился и капитан «Софии». Сашка уже хотел было бежать, запускать катер, чтобы успеть перехватить нарушителя, но в последний момент парусник резко сменил курс и унесся вдаль в сторону Посъета вдоль самой границы заповедника.

— Так-то оно лучше! — хмыкнул Стриж и отправился докашивать траву.

Кузнецов опоздал к ужину! Это событие было достойно отдельной записи в вахтенном журнале. Сашка уже начал всерьёз беспокоиться и пару раз вызвал напарника по мобильной связи, но тот не отвечал. Мучимый самыми мрачными предположениями Стриж решил отправляться на поиски, только по дороге заскочил в баню, подкинуть дровишек. И на выходе из бани нос к носу столкнулся с потерянкой. Тот выглядел усталым, но совершенно целым.

— Дядя Саша, что случилось?

— Нормально все, извини. Камера одна окончательно накрылась, по закону подлости самая нижняя, пришлось лезть демонтировать.

— Может, просто дата-кабель перебит? Ты, кстати, почему на звонки не отвечал?

— Тьфу, ты! — Кузнецов хлопнул себя по лбу и полез в меню напульсника. — Старею, Сашка, старею. Я ж его отключаю, чтобы зуммер птиц не пугал, а включить запамятовал! Ну а с кабелем пусть спецы сами разбираются, я осмотрел — внешне целый.

Идея с дата-кабелями была Стрижа, чтобы не лезть каждый раз вплотную к фотоловушкам, от них в сторону, в более доступные места, пробросили максимально допустимые по техническим параметрам шестиметровые кабели, через которые и осуществлялась «перезарядка» камер. И людям легче, и птицам беспокойства меньше. Да и по времени существенный выигрыш получился. Но было и одно «но»: любопытные птицы периодически то один, то другой кабель перебивали или рвали. На этот случай их целый пучок висел в кладовке.

— Ладно, что на улице стоять, пошли в дом. Что у нас с ужином?

— Я кулеш разогрел и салатик свеженький настрогал, правда все уже остыло, наверное.

— Ну так иди разогревай, а я сейчас, грязное в стирку брошу, умоюсь и подойду.

За ужином Сашка рассказывал о своем отпуске, а дядя Саша делился местными новостями. Потом была баня с традиционными разговорами о международной политике.

— Хорошо мы здесь, вдали от всех этих бед, на природе, с птичками. Они хоть горланят и дерутся почище политиков, но хотя бы не палят друг в друга, — подбил итог Кузнецов. — Ты давай спать иди, а я сейчас данные в вахтенный журнал занесу и тоже лягу.

— Сегодня в 16:35 парусный катамаран к границе подходил, но я их по рации развернул, надо бы тоже в журнале отметить. «София» называется.

— Хорошо. Отмечу.

* * *

Блаженное тепло постепенно вливалось в его тело и пробуждало к жизни. Вместе с теплом в окоченевшее тело возвращалось сознание: «Я Сааль — разящая десница Матери Шеши. Я хиетрий, рождённый, чтобы оберегать Гнездо и сметать препятствия. Я хиет — старший в кладке. Я разбужен, значит стал нужен Матери. Пришло время действовать!».

Кровь Саалья вскипела от выброса гормонов, частью впрыснутых автоматикой, частью синтезированных самим телом. Он с усилием открыл глаза, мышцы, скованные длительным оцепенением, слушались плохо. Перед глазами белая пелена. Сааль подавил легкий приступ паники — это не нарушение зрения, превращающего его в бесполезного для Гнезда калеку, просто запотевшее стекло криосоты. Он пошевелил пальцами рук, ног, открыл и закрыл рот. Попробовал покачать головой, шевельнул хвостом из стороны в сторону. Последнее действие почему-то вызвало у него легкий диссонанс: «У меня есть хвост?!». Сааль отогнал глупые мысли, похоже, мозжечок еще не до конца отошел от спячки. Конечно у него есть хвост, он же не бесполой хиудра! Сааль заставил себя успокоиться и расслабиться, наслаждаясь долгожданном теплом и влагой, постепенно наполнившей его иссохшее тело.

Однако спокойно восстановиться ему не дали. Он услышал или, скорее, прочувствовал всем телом безмолвный, но от того не менее неотвратимый Зов Матери. Сааль, собравшись с силами, нажал кнопку открытия соты и сел, отсоединяя питающие тело трубки и датчики состояния.

Выбравшись из своей соты, он потянулся всем телом, от ноздрей до кончика хвоста, разминая затекшие мышцы. Как и положено хиету он пробудился первым, остальные пять криосот его кулака еще не открылись. Сааль осмотрелся: все младшие братья уже открыли глаза и разминали конечности. Хорошо. Сильные хиетрии, лучшие в кладке. Мать будет довольна.

На еще плохо слушающихся ногах хиет выбрался из ячейки, отведённой его кулаку для криосна, в общий коридор и зашагал мимо сотен таких же ячеек к центральному стволу корабля, ведомый Зовом. Уже вступая в теплый, упругий воздушный поток центральной шахты, пронизывающий корабль сверху донизу, позволил себе оглянуться. В дальнем конце

коридора открылась еще одна дверь, и из нее на четвереньках выполз его наставник хиет Хаал. Крепкий старик, хитрый и опытный, но его время прошло, Мать ценит в хиетриях в первую очередь силу и выносливость!

Только в шахте, поднимаясь в Церемониальный зал гораздо медленнее обычного, Сааль наконец сообразил, что ситуация на корабле явно нештатная: горит только тусклое аварийное освещение, гравитация в разы ниже нормы, да и вечно спящих по своим делам вайхи не видно. А ведь они даже в безвременье гиперперехода продолжают работать, поддерживая работоспособность корабля и оберегая сон старших хварн. Мать заблаговременно позаботилась обо всем: на корабле большой запас неоплодотворенных яиц, которые своевременно попадают в инкубатор, давая жизнь новым вайхи.

Сааль проделал ряд упражнений, разгоняя по телу кровь, чтобы прояснить голову. Получалось плохо, всё-таки экстренный выход из гибернации не прошел даром. Но одно очевидно: на корабле произошла нештатная ситуация и им предстоит работа, а работа хиетрия — защита гнезда!

В Церемониальном зале, способном вместить тысячи драегов, было пустынно, только у центрального возвышения — Места возлжания Матери, разместилась группа прахм, увенчанных сияющих серебром гребнями, что свидетельствовало об их высоком статусе. Сааль направился напрямик к ним и, склонив голову, доложил о прибытии.

Следом за ним в зал вошли еще три незнакомых хиетрия, все с ярко-алыми горловыми мешками альфа-самцов. Сааль непроизвольно встопорил свой изумрудный гребень и слегка раздул горло, оно было не менее ярким.

— Хиет Пхифош явился на Зов! — отрапортовал крупный, на полголовы выше остальных хиетрий и ревниво покосился на Сааля.

— Хиет Пхаоси явился на Зов! — докладчик, сухой и очень жилистый молодой (чешуя на лице еще совсем бледная) самец, скромно потупил взор, хотя Сааль кожей чувствовал исходящую от него угрозу.

— Хиет Анхон явился на Зов! — старый, с почерневшей от возраста чешуей, бывлой фаворит матери был по-прежнему крепок и быстр, но, видимо, все же недостаточно, раз мать предпочла Хвашуки.

— Хиет Хаал явился на Зов! — наставник слегка прихрамывал и дышал глубже и чаще, чем следовало, причина этого стала очевидна при взгляде на следующего хиетрия, видимо попытавшегося обогнать наставника при входе в зал.

— Хиет Нирахи явился на Зов! — вид у последнего был встрепанный и слегка подавленный.

— «Лучшие из лучших явились на Зов, — голос старшей из прахм как всегда зазвучал в голове, мудрые редко снисходили до вокальных упражнений. — Закрывать двери!»

Повинуясь ее команде, створки резко сомкнулись, едва не отрубив голову припозднившемуся хиетрию. Сааль узнал в опоздавшем Тхаши — своего извечного соперника — и победно взъерошил чешуйки хвоста.

Шхуна

— Вставай, засоня, работа ждет! — Кузнецов тряс Саню за плечо.

Сааль с трудом открыл глаза. Над ним склонилось плешивая отвратительная рожа: в ореоле светлых тонких выростов, по центру уродливый мясистый нарост, а по бокам от него мелкие как у шперхша глазки. Он хотел угрожающе взмахнуть хвостом, но с ужасом понял, что хвоста у него нет!

Осознание, что это все просто дурной сон и никакой он не драег, а ужасная морда — до боли знакомая физиономия дяди Саши, пришло далеко не сразу.

— Ты чего такой перепуганный? Приснилось что? — убедившись, что Стриж проснулся, Кузнецов ушел на кухню звенеть посудой и уже оттуда крикнул: — Поторапливайся, у нас иностранные гости!

Сашка споро подскочил и начал на автомате одеваться, стараясь поскорей отрешиться от больно уж явственного кошмара. Это ж надо такому привидеться! Хшет Сааль! Охренеть! Но в носу до сих пор стоял чуть сладковатый пряный запах, исходивший от прахм и резкий мускусный — от других хшетриев. Да это вообще не было похоже на сон, скорее на давно забытое воспоминание из детства, которое вдруг во всех красках, вкусах и запахах всплыло в сознании!

— Может, я сошел с ума? — поинтересовался он негромко у самого себя, но Кузнецов услышал, хотя и истолковал по-своему.

— Нет, Сашка, с ума поодиночке сходят, а я их и на радаре, и экране камеры отлично вижу, хотя они и идут без единого огонька. Давай кофе пей, и выходим, пока эти балбесы, заигравшись в конспирацию, на Южный камень не наскочили!

Стриж наконец окончательно проснулся и заглянул в рубку. На мониторе было 6:15, небо только-только светлеть начало. Дядя Саша уже настроил камеру на автоматическое отслеживание цели: черной как смоль корейской рыболовной шхуны. Судя по радару, шла она курсом прямо на север, вдоль границы заповедника, но сильный восточный ветер неумолимо сносил ее прямо на мыс Бочкова. Ну а дальше понятно, капитан постарается уклониться от столкновения со скалистым мысом, обходя его с юго-запада, и прямиком налетит на едва торчащую из воды скалу — камень Южный, доставив и себе, и заповеднику огромную кучу неприятностей в виде утопленников и нефтяных пятен.

— И как их пограницы проворонили?

— А ты на море внимательней глянь. Волна видишь какая? В такую погоду ПСКР[11] к Посьету уходит. От берега шхуна достаточно далеко и без огней, так что с ПТН[12] его за волной не видно, да и что «пехота» может этой шаланде сделать?

— А Шарик?[13] — Сашка залпом допил кофе и спешно надевал короткие сапоги и плащ.

— А кто, ты думаешь, меня разбудил? Ты же как перевел зуммер радара на себя, так назад и не переключил.

Кузнецов, не оглядываясь, потопал к причалу, подсвечивая себе дорогу налобным фонариком: рассвет в бухте Западной, как всегда, запаздывал. Стриж заторопился следом, кляня свою забывчивость и дурацкий сон.

Это же надо зуммер проспять! Ладно северокорейские рыбаки, у них, судя по полученной картинке, просто руль заклинило, вот и пошли к ближайшей суше малым ходом за помощью, а если бы браконьеры пожаловали? Тоже мне защитник природы, хшудра бесхвостый! Сашка чертыхнулся, сон все никак не отпускал.

Кузнецов опять понял его неверно.

— Осторожней, под ноги смотри, а то с пирса навернешься! Давай уже просыпайся и отшвартовывайся!

Сашка ловко сбросил с кнехта носовой причальный конец, кормовой уже успел сбросить сам Кузнецов, и, запрыгнув в носовой кокпит, уселся на банку. Катер заскользил по глади бухты, а Сашка залюбовался на то, как скрытая островом зарница, отразившись от плотного слоя облаков, расцвечивает розовым море.

Дверь в рубку приоткрылась, и недовольный голос старшего наконец окончательно привел Стрижа в чувство.

— Стриж! Твою за ногу! Давай в рубку, сейчас за мыс выйдем, лафа мигом кончится, весь мокрый будешь! Хватай рацию и вспоминай свой английский, будешь нарушителя вызывать!

— Right, captain! — Сашка взялся за рацию. — Korean fishing boat! Korean fishing boat! This is sailing Russian patrol boat! Sailing Russian patrol boat! Calling you, over.

Он повторил вызов трижды, но эфир упорно молчал.

— Может, они по-английски не понимают?

— Может, — согласился Кузнецов, — попробуй по-русски.

— Да, мой капитан! Корейское рыболовное судно! Корейское рыболовное судно! Ответьте русскому патрульному катеру! Русскому патрульному катеру! Прием. Молчат гады, а по-корейски я не понимаю! — Сашка театрально развел руками. — Да вон же они! Сейчас чуть ближе подойдем, и я в рупор покричу.

Инспекторский катерок вынырнул из-за острова, и сразу же в борт ощутимо плеснуло. Кузнецов резко переложил руль вправо, подставив волнам корму. Суденышко заплесало на волнах, разрезая их под углом примерно в 45 градусов, потом повернуло под прямым углом, подставляя под удар полутораметровой волны скулу судна. Так галсами они подошли к шхуне с подветренного борта. Черное деревянное «корыто» метров двенадцати длиной возвышалось над водой на добрых три с половиной, а то и все четыре метра. С их приземистого катерка палубу видно не было, только козырек палубной надстройки.

Сашка добросовестно проорал в рупор свой запрос на русском и английском, по-прежнему безрезультатно. Создавалось впечатление, что судно брошено, но ровный рокот судового дизеля и кильватерная струя за кормой свидетельствовали об обратном.

— Придется лезть на борт! — Кузнецов печально вздохнул, то ли жалея себя, то ли поражаясь тупости корейских рыбаков. — Прими штурвал и подваливай к борту, он у кормы пониже. Как перепрыгну, отойдешь на четверть кабельтова. Ближе без команды не лезь!

— Дядя Саша, давай лучше я!

— Цыц, салага! Подваливай давай! И с пограниками свяжись, доложи обстановку.

Кузнецов выбрался на бак и встал у левого борта, придерживаясь рукой за леера. Стриж поймал момент, когда «кореец» стал клониться на левый бок, и на пике амплитуды качки плавно ткнулся носом катера в деревянный просмоленный борт шхуны. Борт рыболовного судна оказался вровень с макушкой Александра-старшего, и Сашка понял, почему старший решил сам лезть на судно-нарушитель: с его ростом — это не проблема, а вот Стрижу пришлось бы прыгать, рискуя сорваться и попасть между двух бортов. Кузнецов ухватился свободной рукой за начавший взлетать вверх борт шхуны и одним плавным движением практически без усилий взлетел наверх, а Сашка, следуя распоряжению старшего в смене, отошел от борта судна-нарушителя метров на сорок — пятьдесят и осмотрелся, благо света уже хватало.

Вовремя они успели, до мыса осталось менее полумили. Убедившись, что «кореец» наконец переложил руль влево, уводя судно от верной гибели, Сашка вызвал ПТН, вкратце обрисовал ситуацию и запросил инструкцию дальнейших действий.

— Принято, сейчас дежурному доложу, получу, что положено, и с тобой поделюсь!

Заспанный голос пограничника был отнюдь не радостным. Оно и понятно, он нарушителя проспал, а ушлые «заповедные» его не только не прозевали, но и взяли «корейца» на abordаж. Понятно же кому кнут, а кому пряники достанутся!

К удивлению Сашки, Кузнецов на борту не показывался, указаний от него никаких не поступало, но шхуна тем не менее взяла курс на бухту Западную.

— Да что там происходит, ну не силой же он капитана рулить заставляет? — Стриж чуть не подпрыгивал на капитанском кресле от любопытства и нетерпения.

Наконец корейское судно стало на рейде, не доходя пары кабельтовых до берега. На борту появился Кузнецов и сам вручную сбросил якорь.

Стриж направил катер к борту, но Кузнецов вначале знаками велел не подходить, а после, вспомнив про висящую на боку рацию, озвучил приказ голосом.

— «Шестьдесят третий», Сашка, ты это, — голос старшего был каким-то тусклым и напряженным, да и говорил он не по регламенту, — нельзя сюда, в общем. Тут у них рация разбита, похоже специально, а с носимой мне до ПСКР не докричатся, так что ты пока побудь у меня за радиста, ладно?

— Дядя Саша, да ты чего?! — таким старика он никогда не видел, будто из него стержень вынули.

Стриж снова направил катер к борту шхуны. Но Кузнецов уже взял себя в руки.

— «Шестьдесят третий», ответь «Шестьдесят первому»! Прием! — рывкнула рация.

— «Шестьдесят третий» слушает! Прием! — на автомате откликнулся Стриж.

— Слушай внимательно, сынок, — голос Кузнецова в этот раз звучал твердо и ровно, — эта шхуна — карантинная зона, а посему ближе чем на кабельтов я тебе приближаться запрещаю! Как понял? Прием!

— «Шестьдесят первый», вас понял. Но как же ты, дядя Саша? Давай я помогу, потом вместе в карантине посидим, тебе ж с этими прищуренными и поговорить не получится! Прием!

— А кордон ты на кого оставишь, помощничек? Отставить дискуссию. Давай запрашивай ПСКР! Прием.

Но запрашивать ничего не пришлось, рация ожила сама.

— «Фура», ответь «Сапсану-3». «Фура», «Сапсану». Прием.

— «Фура» слушает. Прием, — откликнулся Сашка.

— Переходи на 72-й и рассказывай, что за рыбку поймали? Прием.

Стриж послушно переключился и посмотрел на Кузнецова, до борта было втрое меньше кабельтова, и нужда в рации отпала.

— Значит запоминай, Сашка. На борту восемь трупов, причем пятеро дети, и трое взрослых в тяжелом состоянии, судя по всему — это эпидемия. Лица у всех как пеплом присыпаны и дышат с трудом, а у мертвецов все признаки смерти от удушья. А теперь передавай, не заставляй «Сапсана» ждать.

Ну Сашка и передал все практически дословно, присовокупив только, что на борту находится государственный инспектор Кузнецов Александр Владимирович и доблестным стражам границы стоит поторопиться, пока он там этой заразой не надыхался. Ну и без запрещенной в эфире обценной[14] лексики не обошлось, больно уж сильные эмоции Стрижа переполняли.

На том конце тоже долго, смачно и с чувством... молчали, ну это если опустить ненормативные выражения.

— Ну и что вам, каракатицам заповедным, стоило на полчаса задержаться? Кофе бы не спеша попили, или что вы, бакланы тупоголовые, там по утрам хлещете? Прошли бы они мимо или о скалу раздолбались, что еще краше, и пусть бы с ними крабы на дне разбирались! Ты хоть понимаешь, килька ты безмозглая, какой сейчас геморрой начнется? Прием.

— Да пошел ты, — вяло огрызнулся Сашка.

Он целиком и полностью был согласен с эмоциональным оратором, более того, мог от себя добавить немало лестных слов в свой и Кузнецова адрес. И еще ему не давала покоя подленькая мыслишка, что будь у проклятого «Летучего корейца» борт немного пониже и это бы он сейчас стоял на борту чумного судна в окружении мертвецов и умирающих. Хватило бы ему духу вот так же как старшой разыгрывать героя? Но что толку гадать: если бы да кабы? Надо думать, как Кузнецова спасти, и чем скорее, тем лучше.

— Дядя Саша, а давай шхуну за охранную зону выведем, и на катере уйдем. Пусть ее пограницы топят со своих пушек, а мы с тобой в карантине посидим в Славянке. Петровичу позвоним, пусть кого-нибудь с Восточного участка на время переберосит.

— Не дури, Сашка, тут люди в помощи нуждаются, а ты их на дно? Вот то-то. А насчет Петровича, твоя правда, звони, докладывай обстановку.

Пришлось докладывать. Начальник участка был более сдержан в выражениях. Все же подчиненные все сделали правильно, а что получилось «как всегда», тут уж ничего не попишешь: карма у русских такая.

— Так, Стриженко, не паникуй. Я сейчас с Шапошниковым свяжусь, найдем тебе напарника.

— Андрей Петрович, да не нужен мне напарник, я и в одного справлюсь! Я не за себя, я за Кузнецова переживаю.

— А что с Александром Владимировичем будет? Посидит пару неделек в инфекционной больнице под наблюдением врачей. Во-первых, далеко не факт, что он заразился, а во-вторых, даже если и подхватил какую заразу, так ее на самой ранней стадии пресечь успеют. Врачи у нас отличные, закаленные пандемиями гриппа, корона- и арбовирусов. И с этой напастью справятся, тем более что сам говоришь: на шхуне и выжившие есть, будет на ком лечение опробовать! В общем, все. Собери Кузнецову его личные вещи и гигиенический набор, перекинь на шхуну или передай там на багре, но не геройствуй! И так работать некому, все по отпускам разбежались, а тут еще Фархад на больничный ушел!

Ну Стриж и не стал геройствовать. Уточнил у Кузнецова, что нужно собрать, смотался на кордон, все упаковал в гермомешок, от себя добавил термос с чаем и пяток бутербродов с бужениной и с помощью страховочного фала, переброшенного на борт корейского судна, передал посылку адресату. Даже фал забирать не стал, такого добра в запасе хватало.

А дальше было долгое ожидание пограничного сторожевика, но «Сапсан» прошел мимо острова, заняв привычную позицию в юго-восточном углу заповедника. Вместо погранцов со Славянки пришел катер спасателей МЧС, привезший двух медиков в костюмах противовирусной защиты. Кузнецова тоже обрядили в белый комбинезон с респиратором и перевели на катер. А потом через борт переправили 11 черных закрытых пластиковых мешков... Похоже, насчет выживших Петрович сильно ошибся.

Спасатели со своим скорбным грузом вскоре ушли на север, в Славянку, а Стриж остался дрейфовать рядом с карантинным судном. Не то что в этом была какая-либо целесообразность, просто уйти на кордон и заняться привычными делами казалось неправильным, как будто этим он предаст Кузнецова. Да и вообще, разве можно оставить этого «Летучего голландца» или, точнее, «Летучего корейца» без присмотра? Это же объект повышенной биологической угрозы! А ну как его с якоря сорвет и понесет к материку? Что в этом случае делать, Сашка не знал. Лезть на заражённое судно совершенно не хотелось. Желудок тоскливо напоминал, что недопитая кружка кофе — это как-то недостаточно для столь суетного и нервного дня, но слишком впечатляющим для его нервной системы было зрелище объемных пластиковых мешков, уложенных на корме катера спасателей. Особое впечатление, отбивающее аппетит напрочь, производили те, что поменьше. Два и вовсе были крохотные, не больше продуктовых пакетов...

И если с голодом он привычно легко справлялся, то пальцы ног, запарившиеся в добротных кожаных берцах, нестерпимо чесались. Вот же дикость — на дворе середина 21 века, а он уже четыре года не может простой грибок на ногах извести! Как подцепил где-то в армейке, так и мучится. Значит, снова нужно будет противогрибковые препараты пропить.

— Эх, сейчас бы разуться да прополоскать ножки в морской воде! — вслух размышлялся Стриж. — Хотя почему бы и да! Никто же не мешает?

Идея показалась настолько заманчивой, что Сашка, не откладывая, снял берцы и носки, откинул трап и, усевшись на кормовую площадку, с наслаждением опустил зудящие ноги в прохладную воду. Привалился к еще теплому кожуху подвесного мотора и задумался о прервательствах судьбы.

Будь он чуть повыше ростом, ну или борт у проклятой шхуны чуть пониже, и это он бы сейчас ехал в Славянку на карантин. Это он бы сейчас переживал о возможном заражении непонятной, но явно смертельной заразой, уже убившей как минимум одиннадцать человек. Размышлял о причинах, побудивших бедных корейцев направить свое уютное суденышко в территориальные воды соседнего, пусть и дружественного, но все же иностранного государства. Что они здесь искали? Спасения для себя и своих близких в надежде на более высокий уровень медицины у соседей? А может, просто жертвовали собой, спасая других, унося с собой заразу в открытое море, а к нам попали случайно? Сейчас уже не спросишь. Не у кого. А понять хочется, хотя бы чтоб знать: будут ли еще такие «посылочки» или это разовая акция?

Так и сидел, болтая ногами в ласковой соленой воде, пока ноги окончательно не замерзли, но зато и зуд прекратился.

Дважды срабатывал сигнал радара, по-прежнему завязанного на его напульсник. Стриж, чтобы не терять время и не оставлять свой добровольный пост, связывался с Шариком. В обоих случаях оказалось, что это к пограничникам прибыло усиление. Видимо, большое начальство всерьез обеспокоилось возможным повторением утреннего инцидента. При такой концентрации патрульных катеров в акватории нарушителей можно было не опасаться. Да и пасмурная и ветреная погода не располагала к туристическим прогулкам, а для браконьеров еще рано, вот недели через две...

Наконец под вечер с Посьетского грузового порта пришел буксир, который, не мудрствуя лукаво, турачкой[15] вытянул якорный канат корейской шхуны и использовал его в качестве буксирного троса. Плюнув в небо черными клубами выхлопа и рывкнув напоследок ревуном, он оттащил проклятую посудину на рейд в бухте Новгородской.

Сдав скорбную вахту, Сашка пришвартовал катер, зачем-то тщательно промыл морской водой борта и палубу, потом прошел в еще теплую баню и сам старательно вымылся, обработал антигрибковой мазью ноги, а то после морских ванн пальцы в берцах вновь запрели и меж пальцами ног страшно зудело. Немного подумав, решил и выпил капсулу итраконазола[16]. Сашка страх как не любил таблетки, считал, что вреда от них куда больше, чем пользы. Они одно лечат, а другое калечат. Но опыт показал, что одной мазью ему с грибком ступни никак не справиться, заражать товарищей не вариант, а значит придется пропить полный курс противогрибкового препарата. Две недели травить печень! Он тяжело вздохнул.

Перед уходом закинул всю — вплоть до трусов и носков — одежду в стиральную машинку и так голым и вышел из бани. А кого стесняться? Он теперь один на всем острове. До ближайшего берега шесть километров, а до человеческого жилья — вдвое дальше. Слабенький вечерний бриз приятно охлаждал тело, выдувая заодно из головы дурные тревожные мысли.

— Все будет хорошо! — вслух, чтобы услышать человеческий, пусть даже и свой собственный, голос заявил Сашка. — Все обязательно будет хорошо! Это же классное приключение — один на необитаемом острове!

Особой уверенности в его голосе не было, но мантра отчасти подействовала — дико захотелось есть. Первой мыслью было просто вскрыть банку тушёнки и навернуть ее с хлебушком,

но Сашка себя пересилил. Целый день без еды, нужно хоть поужинать нормально! Включил чайник, чтобы немного ускорить процедуру готовки, плесканул в кастрюлю немного воды и поставил на огонь, а пока вода и там, и там закипала, сходил в кладовку за продуктами. Решил готовить «пасту по-островному» — любимое блюдо Шурика. Быстро, просто и вкусно. Долил кипятка из чайника в кастрюлю, посолил и забросил спагетти, разломив их напополам, чтобы сразу поместились. Пока они варились, настрогал лука, чеснока, моркови, перца и обжарил на сливочном масле, а под конец запустил туда же банку говяжьей тушёнки и пару ложек томатной пасты. Осталось только воду слить и перемешать. И все, можно подавать на стол, присыпав сверху сыром и украсив свежей зеленью.

С сыром и зеленью Сашка решил не заморачиваться, а то желудок, раздраженный запахами, уже принялся сам себя переваривать.

После плотного и неспешного ужина, завершившегося традиционным чаепитием с медом, Стриж сел за заполнение вахтенного журнала. Следовало кратко и точно изложить все события этого сумасшедшего дня. Дело серьезное и ответственное, вахтенный журнал для инспектора — это основной документ, по нему будут судить об их работе. Провозился дольше, чем с ужином. За окном уже стемнело, так что хозяйственные дела лучше отложить на завтра.

Позвонил участковому, доложил по форме, а после почти час пересказывал Петровичу в деталях события дня.

Потом рискнул и набрал Кузнецова, тот на удивление быстро взял трубку.

— Привет, Сашка, как на кордоне дела? Я тебе сам звонить собрался, но ты меня опередил!

— Да нормально все на кордоне, пограничники усиление прислали, так что нам в ближайшее время можно за море не беспокоиться. Я сегодня до вечера возле этой шхуны проторчал, пока за ней буксир с порта не пришел. Лучше рассказывай, что у тебя? Как себя чувствуешь?

— Утащили? И слава богу. Там на послезавтра по прогнозу сильный дождь передают, а потом вроде как очередной тайфун ждут. Так ты завтра не бездельничай, пройдишь везде, окна позакрывай, желоба ливневки прочисть. Дровишки, что у сарая сложены, надо тентом накрыть. И занеси баллон газа в котельную, а еще лучше попробуй котел запустить, хотя бы на пару часиков, заодно и кордон просушишь. Если ветра не будет, на Северную сходи, надо домик орнитологов законсервировать на зиму, а то как Сумах уехала, там никого и не было.

— Сделаю, дядь Саша, ты не волнуйся. Ты про себя давай расскажи.

— А чего рассказывать, привезли, взяли кучу анализов, только что на изнанку не вывернули. Часа два назад затолкали в одиночный бокс, нацепляли кучу датчиков. Ужин передали через специальный шлюз с облучением ультрафиолетом. Кормят нормально, только соли мало-вато. Сiju в визор пялюсь. По новостям тишина, только китайцы кратко сообщили о введении жесткого карантина в Северной Корее.

— А как самочувствие?

— Нормальное, только голова немного болит, но это скорее от всей этой суеты и от лекарств, что меня «для профилактики» напичкали.

* * *

Сааль медленно приходил в себя, одеревеневшие мышцы горели огнем, он чувствовал каждый сосуд, каждый капилляр, наполняемый физраствором. Каждый последующий выход из гibernации давался тяжелее предыдущего, а процесс «разморозки» все дольше. Если в тот страшно далекий первый раз ему хватило нескольких часов, то сейчас тело постепенно в течение трех суток возвращалось к жизни. Быстрее нельзя, старый изношенный организм просто не выдержит. Как же он устал! Постепенно оттаивающий мозг то грезил яркими, очень правдоподобными и порой кошмарными галлюцинациями, то прокручивал отдельные моменты

из реальных, но основательно подзабытых событий, и отличить одно от другого было абсолютно невозможно. От этого душевные страдания были даже более тяжелыми, чем физические.

Но в этот раз все! Они почти достигли Великой Цели. Почти сотню больших циклов, сменяя друг друга и продлевая ставшую обузой жизнь за счет длительных периодов криосна, они готовили эту планету к приходу Матери Шеши.

Наконец все готово, осталось совсем недолго, меньше половины цикла. И их служение будет закончено. Пусть их осталось только четверо, но они справились. Все получилось, как и прогнозировала Мудрая пра Хиая. Всю работу закончат кланы маликов, созданные пра Манашей. Им остается только проследить за неукоснительным выполнением плана и достойно встретить Мать в ее новом Гнезде.

В этот раз Сааль не торопился выбираться из криокапсулы, ждал пока ссохшееся и замороженное тело окончательно прогреется и наполнится жизненной влагой. Спешить больше не нужно. Это мысль одновременно и успокаивала, и навевала легкую грусть. Он прожил славную жизнь, достойную брачного партнера Матери, но увя... Кожа его почернела как смоль, а семенники ссохлись, даже горловой мешок стал цвета спекшейся крови. Хиетриши редко доживали до такого преклонного возраста, обычно их гораздо раньше призывали на последнюю охоту, где старый хиет становился дичью, а вырвавший его сердце юный драг новым хиетом — старшим в кладке.

Достойный итог жизненного пути, вот только ему он вряд ли грозит. Пока Мать Шеша и ее последний партнер Хиет Хваиуки со всеми предосторожностями будут выведены из многовекового сна, пока восстановят свои силы, чтобы спеть брачную песню... А ведь еще предстоит собрать инкубатор, что в условиях этой планеты не так-то просто: в тех районах, где температура подходяща для кладки — сильно высокое содержание кислорода, а где кислород падает для приемлемых 16 %, слишком холодно. Да еще и солнечная радиация выше всякой меры. Они, конечно же, неоднократно пытались: складывали гнездовые курганы из различных минералов, запечатывали входы и закачивали внутрь углекислый газ, так необходимый на ранних стадиях эмбриогенеза. Но все попусту, ни одно яйцо даже не проклюнулось. То ли мешал низкий статус прахм, то ли низкий технологический уровень аборигенов. А может, просто некоторые секреты доступны только Верховной Матери и неведомы даже высшим прахам? Теперь-то, конечно, нет никаких нерешаемых технических проблем по воссозданию идеальных условий для развития кладки, вот только они сами уже давно не способны к репродукции.

Ничего, Мать Шеша подскажет нужные параметры. Однако до того момента, когда хиетриши из первой кладки будут готовы к самостоятельной Большой охоте, он уже далеко уйдет по Небесному Пути. Очень нескоро титул хиета снова станет по традиции наследуемым. Но это уже не его проблемы, он свою задачу выполнил. Почти выполнил. Осталось малость — вернуть аборигенов на приемлемый уровень технического развития, чтобы они не могли даже теоретически угрожать зарождающемуся новому Гнезду и обеспечить благополучный Прием Матери.

Сааль наконец почувствовал, что согрелся и способен выбраться из криокапсулы. Он нажал кнопку открытия крышки и сел...

Одинокая вахта

Пробуждение было тяжелым: голова болела, все тело ныло, будто он и в самом деле дряхлый инопланетный ящер.

Сашка открыл уником и зашел в программу персонального диагноста, но и пульс, и температура, и давление были как у космонавта. Хотя, судя по данным мониторинга, ночью температура разово поднималась до тридцати семи с четвертью, но потом вернулась к норме, значит, организм справился. Стриж решил на этом не заикливаться и отправился готовить завтрак.

После кофе стало полегче, а после цикла упражнений на турнике и вовсе отпустило. Так что он уже довольно бодро доложил обстановку на утреннем сеансе радиосвязи.

— Ты повнимательней за югом присматривай и будь готов если что к Фальшивому выдвигаться на помощь. Пограницы нас неофициально предупредили. У них по ночи какой-то кипиш на границе был: вроде беженцы с Кореи толпой полезли, до стрельбы, говорят, дошло. Ну это так, не для распространения. В общем, будь начеку и от катера далеко не уходи. И это, — голос Петровича дрогнул, — ты как себя чувствуешь?

— Да нормально все! А что случилось?

— Да ничего, все в порядке. Просто утром Кузнецов звонил, кашляет он как-то нехорошо. Ты ему пока не звони, он до обеда на процедурах. Он и позвонил, чтобы предупредить. Ладно, отбой связи.

Сашка прислушался к себе. Нет, никаких признаков заболевания не было. Похоже, обошлось. Но что это за зараза такая с Кореи приплыла?

Пользуясь тем, что один и никому не мешает, Сашка переключил звук в унике на внешний динамик и запросил свежие новости из Кореи. Пока слушал, неспешно облачался в полевую форму — решил с утра пораньше в бухту Северную сходить, позаботиться о домике орнитологов.

— Новости Кореи на среду 10 октября 2035 года, — анонсировал нежным женским голосом новостной бот. — Уточните, пожалуйста, тему: политика, общество, экономика, спорт, происшествия, культура...

— Давай «происшествия», — прервал перечисления Сашка.

— Южнокорейская полиция завершила расследование смертельной давки в сеульском районе Хонгдэ, сообщает агентство Рёнхап...

— Дальше!

— Повторное расследование по поводу подозрений в отношении дочери лидера ведущей оппозиционной Демократической партии...

— Дальше!

— Военная полиция расследует инцидент с расстрелом сослуживцев капралом...

— Дальше!

— Управление морской полиции заявило о масштабной попытке перебежчиков с Северной Кореи пересечь границу.

— Давай подробнее! — Сашка обратился в слух.

— По сообщению пресс-службы Управления морской полиции Республики Корея вечером 9 октября группа из семнадцать северокорейских рыболовных шхун, вышедших на рыболовный промысел из округа Косон, неожиданно изменили направление движения и попытались прорваться в пограничные воды Республики Корея, но были атакованы кораблем береговой охраны Северной Кореи. Три шхуны были затоплены, остальные повернули назад. Сторожевой катер морской полиции подобрал два тела несостоявшихся беженцев, отнесённых ветром в территориальные воды Республики. Тела будут кремированы.

— Достаточно. Есть еще что-нибудь по беженцам?

— Министр объединения Квон Чон Хи заявил, что за девять месяцев 2035 года в государственном центре поселения Ханавон прошли реабилитацию и обучение 383 беженца из Северной Кореи...

— Достаточно, есть новости из самой Северной Кореи? — Сашка закончил со сборами и задержался, только чтобы дослушать новости.

— Новости Корейской Народной Демократической Республики на среду 10 октября 2035 года, — все тем же голосом проворковал новостной бот — уточните, пожалуйста, тему: политика, общество, экономика, спорт, происшествия, культура...

— Происшествия!

— В этом разделе нет новостей на указанную дату.

— Тогда отбой!

Сашка закинул уником в «тревожный ранец» и, накинув ранец на плечо, поспешил на причал. Дел запланировано много. Не до политики.

— Но что там, елки-молалки, у соседей стряслось? И почему ВОЗ[17] молчит? — ворчал он себе под нос, отталкивая катер от пирса. — Не от хорошей же жизни они под пули полезли? Ох, не нравится мне это!

Море было спокойное, погода солнечная, и Стриж постарался выкинуть тревожные мысли из головы. Надо на работе сосредоточиться. Море, как ревнивая жена, не прощает невнимательности к своей особе. Да и погожим денечком насладиться не грех.

Сашка приоткрыл боковую форточку и с наслаждением вдохнул соленый, чуть йодистый воздух.

Он только вышел из бухты, как впереди катера мелькнул спинной плавник: кит или акула? Катер резко ускорился и почти догнал таинственного обитателя морских пучин, но тот, похоже, не желал сдаваться и тоже набрал скорость.

— Кажись, дельфин? — обрадовался Стриж.

До сих пор ему не везло на встречу с этими «приматами моря». Кита-полосатика видел, белую акулу даже заснять получилось во всей красе, а вот про дельфинов только слышал, что заходит в заповедник самый крупный представитель семейства: тихоокеанская афалина, но самому встречать не доводилось. Изящное тело на миг взмыло в воздух прямо по курсу катера и почти без брызг ушло назад под воду. Тут же слева и справа от инспекторского катера резвясь выпрыгнуло еще не менее шести особей. Дельфины явно получали удовольствие, соревнуясь в скорости с судном. Сашка попытался запечатлеть чудесное зрелище на унике, но на скорости камера не успевала сфокусироваться, а едва он сбросил ход, афалины потеряли интерес к попутчику и умчались дальше на север по каким-то своим очень важным и спешным делам.

Помахав рукой вслед уплывающей стае, Сашка повернул на восток. Через четверть часа катер причалил к песчаному пляжу в устье крохотного ручейка. Накинув швартовый на неприемный колышек, инспектор подхватил сумку с инструментом и зашагал по тропке вверх к укрытому за деревьями небольшому, почти кукольному домику.

Весной и осенью орнитологи и фотографы в очередь стояли за право занять это крохотное необустроенное жилье, тесное даже для двоих человек. Их манил разнородный птичий базар, плотно заселивший окрестные скалы. Сейчас большинство пернатых обитателей гнездовых колоний улетели в более гостеприимные места, и домик тоже опустел.

Сашке предстояло подготовить строение к холодам и суровым зимним штормам. Он собрал в специально припасенный мешок оставленные посетителями съестные припасы, в основном крупы в пакетиках да саморазогревающиеся консервы, ибо незачем грызунов провоцировать. В дом они в любом случае заберутся, но в отсутствии дармового корма задерживаться не станут, а иначе по весне замучаешься незваных жильцов выпроваживать и дом от них отмывать да проветривать! Вылил всю воду. С трудом отмыл забытую кем-то в посудном шкафу кастрюльку с непонятной присохшей бурдой, пришлось даже топтать к ручью и отти-

рать ее песком. В отдельный пакет собрал на стирку постельное белье и кухонные полотенца. Уходя, закрыл оконные ставни и забил их крест-накрест досками. Некогда резные деревянные створки местами до середины толщины были изъедены песком, щедро и мощно бросаемым в окна зимними северными ветрами. Напоследок запер на щеколду дверь и удовлетворенный хорошо сделанной работой поспешил на кордон. На завтра пришло штормовое предупреждение, и нужно было кордонное хозяйство к этому приготовить.

Наскоро пообедав всухомятку (хорошо, что этого непотребства дядя Саша не видел!), Сашка вытянул лебедкой катер повыше на слип и «заякорил» по-штормовому. Потом той же лебедкой по частям вытянул на берег разборный пирс и накрепко привязал к специально для этого вкрученным сваям. Собрал и запер в сарае информационные таблички и нестационарные аншлаги, проверил закрыты ли двери гостевых туалетов — самого популярного места у приезжающих на остров туристов (а что вы хотели после четырех часов в дороге?). Потом занимался дровами, газовым котлом, просушенными вещами...

За заботами Стриж вспомнил об ужине, только когда в быстро сгущающихся сумерках оступился и больно вписался лбом в приоткрытую дверь хозблока. Оно и понятно, подготовка к шторму — дело хлопотное даже для двоих инспекторов, а он еще почти полдня потратил на поездку в бухту Северную. От усталости даже есть не хотелось, но Сашка понимал, что надо. Сил полноценно готовить уже не было, и он выбрал компромиссный вариант: поставил чайник и запустил разогрев «бич-бокса» — перловой каши с мясной подливой в консервной банке с разогревающим блоком. Быстро, нажористо, хоть и не слишком вкусно.

Запустив процесс, Сашка глянул на часы и взялся за тангенту рации.

— «Пемза», «Фуре»! «Пемза», «Фуре»!

— «Пемза» слушает! — вместо Петровича ответил Рахмон.

— Салам, Рахмон-бей! — поприветствовал приятеля Сашка. — А где наш глубокоуважаемый шеф? Прием.

— И тэбэ нэ хворать, Алэксандр свэт Сэмэнович! Почэму правила радиообмэна нарушаэш? А? Андрэй Пэтрович изволил отбыть в срочном порядкэ в Барабаш. Там какоэ-то экстренноэ совещаниэ у дирэктора. Так что нончэ я за старшэго на нашэм славном участкэ. И это, давай далышэ по телефону.

Рахмон, родившийся и всю жизнь проживший во Владивостоке, прекрасно говорил по-русски. Да что там, он даже на вопрос о своей национальности уверенно причислял себя к русскому этносу: «Папа таджик, мама удмуртка, а лично я русский!». Но вот поди ж ты, букву «е» так и не научился правильно произносить, заменяя ее на мягкое «э». Похоже, генетика не только на цвет глаз и крючковатость носа влияет.

— Докладывай обстановку! — Рахмон позвонил сам.

— А нечего докладывать. Нарушителей нет, посетителей и не ожидалось. Кордон к шторму готов.

— Ты как себя чувствуэш?

— Устал как собака Павлова, а так в порядке!

— Дядэ Сашэ звонил?

Александра Стриженко накрыла волна стыда. Это ж надо так заработать, чтобы забыть справиться о здоровье старшего товарища. Сашка глянул в историю звонков. Пропущенных от Кузнецова тоже не было. Очень, очень странно.

— Нет, закутился и забыл, — покался он.

— Понятно, — в голосе Рахмона не было осуждения, скорее тревога, — Пэтрович звонил нэсколько раз, нэ дозвонился. Дэжурный врач тожэ нэ дал никакой информации, сказал звонить лэчащэму врачу, но дэжэ фамилию эго назватэ нэ захотэл. Мутно всё как-то.

— И не говори. А как обстановка у ребят на Фальшивом?

— Там сэйчас один Коля остался, Миха только смэнился, а Фархада на прошлой нэдэлэ досрочно сняли, он сэбэ якорь на ногу умудрился крайнэ нэудачно уронить, тэпэрь минимум на двэ нэдэли на больничный ушел. Вродэ тихо у нэго, хотя в районэ ПТН погранцы вэсь дэнь что-то суэтились.

— А от стражей границ никаких новых вводных не поступало?

— Нэа. Молчат как партизаны. Но Валэра по сэкрэту подэлился, что в отряд много начальства большого понаэхало! Совэщаются цэлый дэнь. И эщэ, по слухам китайцы границу с Корээй полностью закрыли!

— Да уж, весело.

— Ладно, отбой, мнэ пора дэжурному докладывать! Бывай здоров!

— Спасибо и ты не кашляй, аксакал!

— Ты мэня с кавказцами нэ путай! И если хочэшь намэкнуть на мои корни, то тогда ужэ обращайся ко мнэ «домулло»[18] или лучшэ сразу «чаноби оли»![19] — Рахмон сбросил звонок, оставив за собой последнее слово в традиционной дружеской пикировке.

— Вот же жук копченый! — беззлобно чертыхнулся Сашка и отправился умыться и чистить зубы. Спать хотелось, сил нет! Но пришлось эщэ вахтенный журнал заполнять, благо событиями дэнь насыщен не был.

Едва добравшись до подушки, он провалился в глубокий беспокойный сон. Если ему что и снилось, то к моменту пробуждения в памяти ничего не осталось.

Проснулся он от тревожного зуммера, радар засек надводные цели, движущиеся в направлении границ заповедника. За окном только-только начало сереть. Вставать категорически не хотелось. Все тело ломило, голова была как чугунная и гудела как соборный колокол, а во рту будто стадо мамонтов переночевало.

Не хотелось, но пришлось. Кое-как приняв вертикальное положение, Сашка глянул в окно и с трудом удержался, чтобы не упасть обратно: за окном стояла стена густого тумана, ручейками стекавшего по оконному стеклу.

— И кого нечистый в такую погоду в море выгнал! — в голос взвыл Сашка и вышел в рубку.

На радаре отображались три довольно крупноразмерные цели, идущие на скорости 18 узлов со стороны мыса Гамова курсом 230. Если не сменят курс, то через 26 минут пересекут границу заповедника юго-восточнее острова Фуругельма. Банальная и довольно часто повторяющаяся ситуация, всего-то делов — вызвать по рации потенциальных нарушителей и порекомендовать сменить курс, подавляющее большинство капитанов, пойманные, так сказать с поличным, незамедлительно выполняют рекомендацию инспектора. Но только не в условиях сплошного тумана, когда видеокамеры слепы, а тепловизор способен лишь подтвердить показания радара о наличии и количестве целей. Туман делает визит незваных гостей анонимным, а следовательно, безнаказанным. Единственный способ пресечь нарушение — самому выходить на перехват и пытаться сблизиться с нарушителем на расстояние, когда туман не мешает различить бортовой номер или название судна. С учетом видимости за окном, для этого придется пришвартоваться к борту судна нарушителя! А он, можно не сомневаться, добровольно не подставится. Наоборот, будет всячески избегать визуального контакта с инспектором.

Сашка эщэ раз чертыхнулся и вызвал Рахмона.

— «Пемза», «Фура»! «Пемза», «Фура»!

— «Пемза» слушэят!

Сашка кратко обрисовал обстановку и доложил о намерении выйти на перехват. В такую погоду подстраховка коллег не была лишней. Позевывая и морщась от болей во всем теле, он стал поспешно одеваться. Он уже выходил на улицу, когда пришел вызов.

— «Фура», ответьте «Грому»! «Фура», «Грому»! Прием!

— «Фура» на связи!

Сашка встревожился, позывной «Гром» принадлежал патрульному катеру проекта «Рэптор», стоявшему на вооружении пограничного спецназа. Такие ребята по пустякам беспокоить не станут.

— Сопровождаю два корабля ВМФ, пройдем вдоль вашей восточной границы. Как поняли? Прием!

— «Гром», понял вас! Пройдете вдоль восточной границы заповедника! Прием!

— Отбой связи!

Сашка облегченно вздохнул, не нужно спускать катер, выходить в море и играть в жмурки с нарушителями, но тут же забеспокоился еще больше. Это что же за дела творятся на корейской границе, если пограничники помощи у военно-морского флота России запросили? Не то чтобы ведомства враждовали, нет, просто ревностно реагировали на явное или мнимое нарушение границ своей вотчины. А может флотские просто транзитом на юг следуют? Вряд ли. Зачем им «Рэптор» в сопровождающие? Это все равно что полицейского на сигвее отправить сопровождать бронетанковую колонну.

— Ладно, с их проблемами пусть они сами разбираются! А нам своих выше крыши!

Сашка доложилсся Рахмону, глянул на напульсник и в очередной раз чертыхнулся. Тот горел оранжевым — сигнализировал о проблемах со здоровьем. Накаркал! Пришлось топтать за уникомом и запускать диагноста.

Давление по нижней границе нормы. Пульс — 90. Высоковат, но можно списать на экстренное пробуждение, а вот температура 37,5 однозначно свидетельствовала о борьбе организма с какой-то инфекцией. Диагност предсказуемо рекомендовал обратиться к терапевту для уточнения диагноза и назначения лечения, вот только ближайший медицинский работник был отделён от гражданина Стриженко полутора десятком миль укутанного густым туманом моря. И пусть сейчас штиль, но часам к 11 раздует так, что мама не горюй! Прогноз обещает шквалы до 25–30 метров в секунду!

Так что либо срочно спускать катер и рискуя в тумане наскочить на камни или стоящее на рейде судно гнать в Посьет, бросив кордон на произвол стихии, так как шансов успеть вернуться назад ноль. Либо заняться самолечением и не поднимать шумиху, дабы не перекладывать проблему со своей больной головы на чью-то здоровую.

Сашка колебался недолго. Пару раз глубоко вздохнул и кашлянул на пробу, но убедившись, что с легкими все в порядке, махнул на проблему рукой. Подумаешь, простыл немного, оно и не удивительно: позавчера весь день в море болтался, а вчера распаренный весь день на улице провел.

— Сейчас чаек с липовым медом заварим, а вечером баньку истопим и к утру забудем о простуде! — озвучил он вслух свое решение. — Тут главное не лениться и хорошо питаться!

Этим он и занялся. Умылся, несмотря на погоду, выполнил полный комплекс упражнений на турнике, позавтракал яичницей с беконом и помидорами, а на обед поставил варить зеленый витаминный борщ из крапивы, благо прямо возле бани свеженькая наросла.

Во время утреннего доклада о своем недомогании он тактично умолчал, посетовав только, что после вчерашнего трудового подвига у него с отвычки все мышцы болят!

Пока Сашка занимался своими делами, туман перешел вначале в мелкий моросящий дождь, а потом и в почти тропический ливень. Ветер усилился, но поскольку дул он с юго-востока, то во дворе и в бухте было относительно спокойно. Сашка не поленился, сходил еще раз проверил надежность креплений катера и пирса. Полюбовался на крутобокие валы, катящиеся мимо острова и с рокотом разбивающиеся о камни Михельсона. Завораживающая мощь стихии!

Вернувшись на кордон, попробовал связаться с Кузнецовым, но его телефон был вне сети. Позвонил Андрею Петровичу, но тот трубку не взял. Чтобы не скучать и отвлечься от

беспокойных дум, Сашка занялся наведением порядка в инспекторском доме. Перебрал поле-
вую аптечку, выкинул просроченные препараты и тут же написал служебку на приобретение
новых. Потом принялся за продуктовую кладовку. Снял и постирал шторы. Перемыл полы и
вытер везде пыль. Конечно, особой нужды в генеральной уборке не было, порядок поддержи-
вался постоянно, но надо же себя хоть чем-то занять, если на улице водяной Армагеддон, а
старшие товарищи упорно не отвечают на вызовы?

Ближе к обеду на связь снова вышел капитан «Грома» и предупредил, что пройдет через
акваторию заповедника к Посьету. Сашка уточнил номер разрешения и, не откладывая, занес
данные в вахтенный журнал. На проход катера он предпочел полюбоваться из окна рубки,
искренне сочувствуя экипажу.

Часов в пять Стриж растопил баню и занялся ужином, решив побаловать себя печеноч-
ными оладьями и компотом из сухофруктов. На улице по-прежнему лило, так что даже корот-
кая перебежка до бани и обратно требовала надевать резиновые сапоги и плащ. Утренние про-
студные синдромы пропали, и браслет вновь светился спокойным бирюзовым цветом. Стриж
наслаждался теплотой и сухостью инспекторского жилья, с сочувствием представляя каково
сейчас приходится морякам, несущим боевую вахту на ушедших к корейской границе кораб-
лях.

Однако вечером, незадолго до сеанса радиосвязи пришлось-таки и самому Сашке выйти
на улицу, да не просто выйти, а топать на самую южную оконечность острова — на мыс Боч-
кова, к той самой злополучной видеокамере, установленной на старой прожекторной позиции.
А потом под проливным дождем и шквальным ветром, норовящим сбросить тебя со скалистого
мыска на прибрежные скалы, искать и устранять причину потери сигнала. Благо проблема была
в окиси и плохом контакте на аккумуляторных клеммах. Так что устранить получилось быстро,
дольше времени занял поиск неполадки.

Вернулся на кордон Стриж уже в полной темноте, мокрый до последней нитки и тихо
матерящий себя за повышенную ответственность. Ну и за каким нереисом[20] было нужно на
ночь глядя идти разбираться с камерой? Почему было до утра не подождать? В такой шторм от
нее все равно толку ноль! Во-первых, за струями дождя и волнами авианосец не разглядишь, не
то что какую-нибудь рыбацкую шаланду, а во-вторых, если что и разглядишь каким-то чудом,
то толку все одно ноль, ибо в море никак не выйти! Мало того, есть еще и в-третьих: утром в
ту сторону два боевых корабля прошло, вряд ли они кого мимо себя пропустят.

На кордоне его ждал уником с десятком пропущенных вызовов от Рахмона и от Петро-
вича. А едва он успел разуться, как ожила рация:

— «Фура», ответь «Пемзе»! «Фура», ответь «Пемзе»! Прием!

— «Фура» на связи! Прием!

— Стриженко, в рот компот! Ты почему сеанс радиосвязи пропустил и на звонки не
отвечаешь?! Перезвони мне немедленно!

Пришлось звонить. Переключив уником на громкую связь, Сашка принялся стягивать с
себя промокшую одежду.

— Андрей Петрович, добрый вечер. У меня южную камеру отрубил, ходил разбирался.
Провозился, только вернулся. А там за ревом ветра и волн звонка не слышно было.

— Далась тебе эта камера! — проворчал участковый. — Завтра бы посветлу сходил.
Сейчас от нее проку все одно никакого. Ты как себя чувствуешь?

— В целом нормально, только промок до нитки и озяб малость. Собираюсь в баньке
погреться.

— Лады. Тогда топай в баню, отогревайся. Жив, здоров, а остальное и до утра подождет.

— Андрей Петрович, да я как огурчик!

— Ага, зеленый и пупырчатый! Все, отставить разговоры. Все утром. Отбой связи.

Перезванивать Сашка не стал. Хотя и очень хотелось. Нельзя же так, озадачил какими-то новостями, но так и не озвучил! Любопытно же! Но Петрович прав, впрочем, как всегда. Надо отогреться, ужинать и байники, а то завтра будет не до новостей, если простуду подхватишь.

* * *

Он стоял перед электромагнитной завесой, отделявший уютный мирок базы от холодной негостеприимной панорамы. Вечно заснеженный распадок, испачканный черными пятнами базальтовых глыб, с которых шаловливым ветерком сорван белый саван, метров через триста тонул в густом белом облаке. Даже простой взгляд на него заставлял Сааля, еще не до конца отошедшего от гибернации, поеживаться от холода. Но старый хиет продолжал пристально взглядываться в снежную круговерть. Если глаза его не подводят, то там, в безмолвной пустыне, практически сливаясь с фоном, перемещается что-то живое.

Вот опять какое-то движение за каменным гребнем в трех-четырех дюжинах ярдов ниже по склону. Сааль непроизвольно высунул язык, пытаясь уловить запах пришельца. Абсурдное действие. Завеса хоть и свободно проходима с обеих сторон для объектов крупнее хиудра, но совершенно непроницаема для воздуха и, соответственно, переносимых им запахов. Зрение не подвело. Из-за крупного обветренного валуна показалась голова снежной козы, увенчанная короткими изогнутыми рожками. Желанная добыча! Кончик хвоста драега азартно задергался, но Сааль сдержался. Он сейчас не в том состоянии, чтобы носиться за верткой добычей по заснеженному горному склону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.